

ФРАНЦИСК СКОРНИЯ-

БЕЛОРУССКИЙ
ГУМАНИСТ,
ПРОСВЕТИТЕЛЬ,
ПЕРВОПЕЧАТНИК

МИНСК
„ВЫШЭЙШАЯ ШКОЛА“

1989

Л. М. ШАКУН

СТИЛИСТИКА СКОРИНИНСКИХ ПРЕДИСЛОВИЙ

ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ ОБЫЧНО РАССМАТРИВАЕТСЯ С УЧЕТОМ СПЕЦИФИКИ ЕГО ИЗДАНИЙ. РАЗГРАНИЧИВАЮТСЯ, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, ТРАДИЦИОННЫЕ, БИБЛЕЙСКИЕ ТЕКСТЫ, КОТОРЫЕ ОН ИЗДАВАЛ, ПОДВЕРГАЯ ОПРЕДЕЛЕННОМУ РЕДАКТИРОВАНИЮ, И С ДРУГОЙ — ЕГО СОБСТВЕННЫЕ, ОРИГИНАЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ — ПРЕДИСЛОВИЯ И ПОСЛЕСЛОВИЯ, КОТОРЫМИ СОПРОВОЖДАЛОСЬ ПОДАВЛЯЮЩЕЕ БОЛЬШИНСТВО ВЫПУСКАЕМЫХ ИМ КНИГ БИБЛИИ. ТВОРЧЕСКОЕ НАЧАЛО В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СКОРИНЫ ПРОЯВИЛОСЬ И В ТОМ, КАК ОН ИЗДАВАЛ ТРАДИЦИОННЫЕ БИБЛЕЙСКИЕ ТЕКСТЫ, И В ТОМ, КАК ОН ИХ КОММЕНТИРОВАЛ, КАКИМ ОБРАЗОМ ПРЕДВАРЯЛ ЗНАКОМСТВО С НИМИ ЧИТАТЕЛЕЙ — «ЛЮДЕЙ ПОСПОЛИТЫХ», «ПРОСТЫХ». ВСЕ ЖЕ ВПОЛНЕ ЕСТЕСТВЕННО, ЧТО В ОРИГИНАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЭТО ТВОРЧЕСКОЕ НАЧАЛО, САМОБЫТНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ, ЕГО ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТАЛАНТ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ОБНАРУЖИТЬСЯ НАИБОЛЕЕ ЯРКО И РАЗНООБРАЗНО.

ПРЕДИСЛОВИЯ И ДРУГИЕ ОРИГИНАЛЬНЫЕ ЧАСТИ ИЗДАНИЙ СКОРИНЫ ЯВЛЯЮТСЯ ТАКЖЕ ИСТОЧНИКАМИ

первостепенной важности при характеристике его языка, определении роли белорусского первопечатника в развитии средств и способов литературного выражения в старый период истории белорусской письменности. Исследованием языковых особенностей этих источников специально занимался А. И. Журавский [см. 3, с. 85—93]. Он провел выборку и статистическое сопоставление специфических церковнославянских и белорусских черт в предисловиях Скорины, исходя из того, что «для выявления языковой основы того или иного старинного письменного памятника представляется оправданным прежде всего обратить внимание на то, каким материалом — белорусским или церковнославянским — заполнялись в тексте те звенья фонетической, грамматической и лексической системы, которые в белорусском и церковнославянском языках получали неодинаковую реализацию» [3, с. 89]. Были выявлены и подсчитаны все случаи употребления Скориной таких «маркированных», противопоставленных явлений в белорусском и церковнославянском языках, как полногласие и неполногласие типа *голова*, *золото* и *глава*, *злато*, словообразовательные варианты типа *виденье*, *писанье* и *видение*, *писание*, формы типа *враги*, *пророки* и *врази*, *пророци*; *кровью*, *плотью* и *кровию*, *плотию*; *великого*, *светого* и *великаго*, *светаго*; *великое*, *пречистое* и *великия*, *пречистыя* (в родительном падеже женского рода); *видишъ*, *идешъ* и *видиши*, *идеши*; *идучий*, *несучий* и *идуций*, *несуций*.

оскольку случаев употребления церковнославянизмов оказалось больше, автор пришел к выводу, что «приведенный статистический материал со всей очевидностью выдает церковнославянскую основу языка предисловий Скорины» [3, с. 92]. При этом он отметил также полную идентичность в языковом отношении всех частей изданий Скорины, т. е. и традиционных, и оригинальных, что дало ему основание отвергнуть распространенное еще со времен П. В. Владимирова мнение, согласно которому издания Скорины следует рассматривать как памятники белорусской речи начала XVI в. А. И. Журавский охарактеризовал язык скорининских изданий «типичным образцом белорусской редакции церковнославянского языка» [3, с. 85].

В научной литературе о Скорине можно встретить и другой, более широкий подход к определению его языка, основывающийся не на узкоформальных признаках, подсчете противопоставленных языковых черт, но учитывающий также и другие важные в данном случае факторы — социально-исто-

рическое и общественно-культурное своеобразие скорининской эпохи и новаторский, просветительский характер деятельности белорусского первопечатника. Такой подход представляется нам более оправданным, он отражает развиваемое многими советскими языковедами положение о том, что при характеристике языка, выражаясь словами Р. А. Будагова, «количество определенных «единиц» языка само по себе еще мало о чем говорит» [5, с. 5]. Ведь известно, что односторонний, чисто формальный подход к определению языковых формаций, игнорирование соответствующих социально-исторических факторов языкового развития приводили в дореволюционное время многих исследователей вообще к отрицанию самостоятельности белорусского языка. Учет широкой исторической перспективы, общественно-культурных процессов скорининской эпохи с ее своеобразной языковой ситуацией не позволяет многим современным исследователям определять язык изданий Скорины как церковнославянский, хотя несколько и модернизированный, приспособленный к местным условиям, т. е. белорусизированный, и таким образом относить Скорину к кругу церковнославянских писателей, рассматривать его языковое творчество как одно из проявлений истории церковнославянского языка на территории Белоруссии или шире — Великого княжества Литовского.

Язык Скорины, как и вообще его деятельность, — явление очень сложное, к нему не подходят обычные мерки, он не укладывается в ту или иную жестко детерминированную схему. Вопрос о том, как однозначно назвать язык скорининских изданий — или в целом, или хотя бы по отношению к разным его частям, — в настоящее время вряд ли можно считать окончательно решенным. Как отмечено А. И. Журавским, «предисловия Скорины представляют собой такой ряд письменных памятников, в которых исследователь истории белорусского языка найдет необходимый ему материал по белорусской фонетике, морфологии и лексике, а специалист по старославянскому языку еще в большей мере обнаружит здесь старославянские черты» [3, с. 86]. Как же это объяснить?

На этот вопрос А. И. Журавский отвечает следующим образом: «Недостаточное владение церковнославянским языком принудило Скорину прибегнуть к использованию многих белорусских языковых средств, а также элементов польского и чешского языков, что в конечном счете несколько отдалило язык его изданий даже от церковнославянского языка западнорусской редакции» [3, с. 93]. Такой ответ не представляется убедительным уже хотя бы потому, что у нас нет достаточно веских оснований сомневаться в филологической подготовке Скорины. При этом

КНИГА Ѿ МОИСЕѦ
ВЗОРЪ РИЗЪ ЖРЕЧЕСКИѦ ЕЖЕ БЫША НАЯРОНЕ

Вдѣлютьже плащъ Жреческїи Сѣзлата тагнена-
го, и ѿшолкѹ синего, и червчетаго подвакратъ краше
наго, и сольнѹ белого пресѹкованого деломъ взорова
тымъ • Два подолки споена имети бѹдетъ прикомъ
цехъ обоѣго боку, дабы воѣдноса зхожали • Тоѣ
пакъ сотканїе и вси взоры деланы бѹдѹтъ ѿзлата

нельзя не учитывать и то обстоятельство, что Скорина обращался к белорусскому языку не только в своих оригинальных произведениях, но и тогда, когда имел дело с традиционными, библейскими текстами. А ведь эти тексты он при желании мог издавать последовательно по церковнославянским образцам, которые были ему доступны.

Значит, надо искать какие-то другие причины использования Скориной столь разнообразного, неоднородного по своему характеру языкового материала. Вернее всего связывать их непосредственно с творческими замыслами писателя, которые направляли его на поиски новых языковых изобразительных средств, наиболее оптимальных способов и приемов литературного выражения.

Исследователи, рассматривая язык изданий Скорины, в том числе предисловий и послесловий к ним, обычно ограничивались характеристикой отдельных структурных единиц — звуков, форм, слов и словосочетаний, синтаксических конструкций и т. п. — и почти не касались их художественно-образительных функций. Закономерности стилистического использования этих единиц, организации в единое целое для создания художественных образов по существу не изучались. Общие замечания о стилистике скорининских изданий встречаются разве что в трудах по истории белорусской литературы¹. Институтом литературы имени Янки Купалы АН БССР осуществлено и отдельное издание всех известных предисловий и послесловий Скорины, подготовленное А. Ф. Коршуновым².

В настоящее время известны 23 книги Библии, изданные Скориной в Праге. Каждая из них имеет предисловие и послесловие. Некоторые книги, например «Книга Иисуса Сирахова», «Книга Бытия», имеют по два предисловия (в «Книге Бытия» Скорина опубликовал большое программное предисловие «во всю Бивлию рускаго языка», а затем — «Сказание во первых книги Моисеовы, рекомые Бытъя»). В издании «Книга деяния и посълания апостольская, зовемая Апостол», напечатанном в Вильно в 1522 г., он поместил 22 предисловия, которые (за исключением одного, самого первого — к «Деяниям») назвал почему-то «сказаниями» (впрочем, этим названием он иногда пользовался и в своих пражских изданиях). «Малая подорожная книжка», изданная также в Вильно около 1522 г. отдельными выпусками (известен 21 выпуск), не имеет ни общего предисловия, ни предисловий к ее отдельным самостоятельным частям. Есть предисловие только к Псалтыри, но оно, как и сам текст книги, повторяет пражское издание 1517 г. В общем, известно почти полсотни скорининских предисловий, а послесловий и того больше, поскольку виленские издания, объединенные под двумя названиями — «Апостол»

и «Малая подорожная книжка», — имеют собственные титульные листы, самостоятельную пагинацию и каждое — отдельное послесловие.

Предваряя книги Библии предисловием, Скорина хотел подготовить читателя к восприятию сложного библейского текста. В предисловии давалась краткая, но по возможности всесторонняя характеристика соответствующей книги Библии. Обычно в начале объяснялся смысл названия книги, например: «Притчи же нарецаются еврейским языком масшлоф, а греческим — параболе, по-латине же — проverbsия, а по-руску и — притчи или присловия, понеже иными словы всегда иную мудрость и науку знаменуют а иначей ся разумеють, нежели молвены бывають, и болши в себе сокритых таин замыкають, нежели ся словами пишуть» (с. 191). Приводились также сведения об истории создания и предполагаемом авторе книги, раскрывалось ее основное содержание, говорилось о той пользе, которую может принести книга читателю. Таким образом, читатель в целом получал довольно обширную, содержательную информацию, но подавалась она в сжатой форме. Предисловия Скорины — небольшие по объему, почти миниатюрные произведения. Даже самое большое предисловие — ко всей Библии — занимает не более четверти листа.

антовую специфику предисловий определить трудно, ибо они различаются и по содержанию, и по форме подачи материала, по способам и приемам его изложения. Сам Скорина называл их по-разному: «предъсловиями» и, как уже отмечалось, «сказаниями». «Предъсловия» преобладают в пражских изданиях, «сказания» обычны в виленских изданиях (за исключением «Апостола» и Псалтыри 1525 г.), но встречаются и в пражских изданиях. А. Ф. Коршунов предполагает, что «сказаниями» Скорина называл те из своих предисловий, которые «являются ничем иным, как только сжатым пересказом содержания печатаемого текста». На основании этого он сделал вывод, что «Скорина отличал жанр предисловия от жанра сказания, которое в его понимании носило преимущественно описательный характер» [4, с. 193]. Нельзя не согласиться с В. А. Чемерицким, который отметил, что скорининские предисловия «не только энциклопедичны по содержанию, но и синкретичны по своему жанровому характеру. Большинство из них фактически совмещают в себе черты научно-популярной литературоведческой статьи, историко-филологического комментария и расширенной аннотации к произведению» [7, с. 74].

¹ Помимо общих курсов истории старобелорусской литературы, здесь следует особо выделить статью В. А. Чемерицкого «Франциск Скорина и становление белорусской литературы» в кн. «Белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве». М., 1979. С. 71—76.

² Франциск Скарына. Прадмовы і пасляслоўі. Мінск, 1969. По этому изданию приводятся в статье цитаты из произведений Скорины; в скобках после цитат указываются соответствующие страницы издания.

се это, разумеется, определенным образом отражается на стилистической организации предисловий, способах и приемах изложения материала, отборе языковых средств. Для каждого предисловия Скорина стремился подобрать тот эмоциональный ключ, который должен был настроить читателя на нужный лад к восприятию библейского текста. Само по себе это явление было известно. Его Д. С. Лихачев метко назвал «подготовлением к чтению» [5, с. 62—63]. Но Скорина проявил незаурядное мастерство в использовании этого приема. Каждое свое предисловие (сказание) он создавал в разной тональности — именно той, которая была наиболее созвучна содержанию соответствующей библейской книги. Одни из них в бесстрастной, несколько даже суховатой форме, по-деловому излагают читателю содержание, сущность библейского текста, раскрывают его сюжет и знакомят с представленными в нем персонажами. Эти предисловия по своему характеру приближаются к научно-популярным трактатам, историко-филологическим комментариям, а иногда как бы напоминают развернутые, содержательные аннотации. В других предисловиях ощущается напряженность в изложении материала, они полны экспрессии, ярки по форме, их язык обильно насыщается тропами, становится образным, поэтичным; такие предисловия местами звучат как стихи, как рифмованная проза. В третьих совмещаются и те и другие приемы изложения, возникают разнообразные стилистические переходы, нюансы в звучании фраз и т. д. В целом же, как уже было сказано, стилистическая манера построения любого предисловия строго предопределяется характером, содержанием библейского текста. Это и создавало тот эмоциональный тон, который наилучшим образом настраивал читателя на восприятие последующего библейского текста.

собой эмоциональностью языка отличаются предисловия к таким поэтическим частям Библии, как Псалтырь и «Песнь песней».

«Предъсловие в Псалтырь» — хронологически первое из известных нам оригинальных произведений Скорины и самое яркое по форме. Оно может служить достаточно убедительным примером поэтического мастерства его автора. Предисловию свойственны строго продуманная внутренняя организация отдельных частей, стройная композиция, четко выдержанная ритмика. Каждый фрагмент предисловия ритмически закончен, но органически связан с предыду-

щим и последующим фрагментами тонкими ритмическими переходами. Вот начало предисловия: «Всяко писание богом водъхненное полезно ест ко учению и ко обличению, исправлению, и ко наказанию правды. Да совершен будет человек божий и на всяко дело добро уготован, яко святыи апостол Павел пишеть». Следующее предложение — переход к новой мысли, ритмический строй повествования меняется: *И сего ради святыи писма уставлена суть к нашему навчению, исправлению, духовному и телесному, различными обычаи. Едины — законом ветхым и новым, другие святыи пророки даны суть нам, иные деянием святыи отець, а некие притъчами премудрых учителей, некоторые теже песнями и псалмы, от царя Давыда и от иных божиих певцев сложенными, яко ест Псалтырь* [с. 9].

Ритмическая организация речи достигается разнообразной конструкцией предложений (ср., например, сочетание повествовательного и побудительного предложений в начале предисловия), особым месторасположением слов, нередко инверсионным («да совершен будет человек божий», «законом ветхым и новым» и т. д.), обособлением определений («всяко писание богом водъхненное полезно ест», «к нашему навчению, исправлению, духовному и телесному» и т. д.), частым употреблением сказуемого в конце предложения («да совершен будет человек божий и на всяко дело добро уготован», «яко святыи апостол Павел пишеть», «от царя Давыда и от иных божиих певцев сложенными» и т. д.), повторением предлогов («ко учению и ко обличению»). Не менее важную роль играет подбор грамматических форм типа *полезно ест, уставлена суть, даны суть нам* (широкое употребление связки настоящего времени), *святыи отець* (родительный множественного числа), *различными обычаи, святыи пророки, песнями и псалмы* (творительный множественного числа), *божиих певцев* (нестяженная форма прилагательного). Книжные, нетипичные для живой речи слова и формы здесь не случайны: они «плотно вложены» в ритмический строй текста и соответствуют общему тону повествования. Все они библейского происхождения, но заменить их народно-разговорными эквивалентами Скорина в принципе мог (ср., например, ниже в этом же тексте уже не *божиим*, а *святым божьим* — на с. 11). Однако допускалось это лишь в том случае, если не нарушались установленные пропорции, текст не утрачивал своего характерного звучания. Следовательно, употребление традиционных для Библии языковых средств исходило из определенных целей, его надо рассматривать как сознательный, тщательный отработанный стилистический прием.

Зачастую книжные, становившиеся архаическими слова и формы используются для

создания рифмы. Рифмуются отдельные слова внутри предложения («ко учению и ко обличению, исправлению»), внутри отдельных фрагментов — целые предложения, благодаря чему они более тесно связывались между собой: *Деяния же и животы светых отецъ жити нас на свете в боязни божией и в терпении навчаютъ. Притчи пак и приповѣсти премудрыхъ учителей добрыхъ обычаевъ младыхъ и старыхъ наставляють* [с. 9—10]; *Псалом естъ всея церкви единый глас, свята украшаетъ. Псаломъ всякую противность, еже естъ бога ради, усмиряеть* [с. 10].

Книжными элементами полны и другие части предисловия, они выполняют важную роль в построении художественного образа, детализируют его черты и свойства, создают впечатление «словесной сытости». В качестве примера можно взять пассаж о псалме: *Псалом естъ щитъ противъ бесовскимъ ноцнымъ мечтаниемъ и страхомъ, покой деннымъ суетамъ и роботамъ, защитительъ младыхъ и радость, старымъ потеха и песня, женамъ набожная молитва и покраса, детямъ малымъ початокъ всякое доброе науки, дорослымъ помножение в науце, мужемъ мощное утверждение* [с. 10]. Это стремление к нарочитой детализации, «словесной сытости» проявляется и в широком использовании такого традиционного приема восточнославянских книжников, как нанизывание однородных членов, объединенных в пары при помощи союза и: *...псалмы... всякии немощи, духовныи и телесныи, уздравляють, душу и смыслы освѣщаютъ, гневъ и ярость усмиряють* (заметим, что здесь автор снова обращается к рифмованию. — *Л. Ш.*), *миръ и покой чиняють, смутку и печаль отгоняють, чувствие в молитвахъ дають, людей в приязнь зводяють, ласку и милость укрепляють, бесы изгоняють, ангелы на помощь призывають* [с. 10].

Но вот гимн псалмам заканчивается, автор переходит к деловой информации, к чисто мирскому, и стиль изложения, принципы отбора языкового материала резко меняются: *Такъ же будъ ведомо, положилъ есми некоторые на страницахъ в сей Псалтыри главы з розныхъ книгъ, а то для того, абы знакомито было, иже вси иные светые писма згожаються с Псалтырею и одно на другое светчить. А то, чтучи в тыхъ книгахъ, ижъ же суть главы на боцехъ пописаны, найдуте. Такъ же положилъ есми на боцехъ некоторыи слова для людей простыхъ, не рушаючи самое Псалтыри ни в чемъ же, яко суть онагри и геродеево жилище и хлябие и иные слова, которыи суть в Псалтыри неразумныи простымъ людямъ, найдуть е на боцехъ рускимъ языкомъ, что которое слово знаменуетъ. Теже розделилъ есми вси псалмы на стихи по тому, яко ся в ыныхъ языцехъ делить. А такъ естъ конецъ предъсловия Псалтыри* [с. 11—12]. Здесь церковнославянизмы употребляются в качестве названий специфических реалий.

ак уже говорилось, предисловие к «Псалтыри» — наиболее яркое по форме произведение Скорины. Такой экспрессии, такой патетики, такого изобилия художественных образов и словесных тропов мы не встретим в других его предисловиях. Однако принципы отбора выразительных средств языка, способы и приемы их использования, которые так отчетливо выявились в этом предисловии, обнаруживаются в своих главных чертах и в последующих предисловиях, например в предисловии к «Притчам Соломона»: *Пожиточныи же суть сие книги чести всякому человеку, мудрому и безумному, богатому и збогому, младому и старому... В ней (книге. — *Л. Ш.*) воистину естъ духъ разумности святыи, единый, различный, смысленый, скромный, вымовный, движущийся, непоскверненный, истинный, сладкий, чистый, стальной, добротливый и всякую иную имеющий в себе добрую цноту* [с. 20] или к «Книге Иисуса, сына Навина»: *Исусъ мужъ богобойный, справедливый, мудрый, смелый, силный, цнотливый, грозный и щасливый, и у своихъ справахъ чуйный и порядный* [с. 52].

Но общая тональность повествования здесь приобретает иные оттенки. Вот начало «Предъсловия в книгу Иов» (хронологически это второе предисловие Скорины). Оно строится по существу на цитатах из библейских текстов: *Пишетъ святыи Иаковъ апостолъ в своемъ соборномъ послании, глаголя: «Образъ примите, братия, злострастия, и долготерпения и трудовъ!» Пророки, иже глаголаша именовемъ господнимъ: «Се блажимъ тыхъ, они же потерпеша. Терпение Иовово слышаште и конецъ господень видесте, яко многомилостив естъ господь и щедръ»* [с. 12]. За этим «цитатным» отрывком идет такое рассуждение: *Сия слова апостольская являютъ намъ достойность, святость и терпение святого Иова. О немъ же пишеться книга сия. И что ему господь богъ за его терпение далъ естъ* [с. 13]. В таком же тоне автор далее описывает добродетели Иова, раскрывает духовный смысл его терпений, говорит о композиции книги и ее значении как морально-этического руководства: *Понеже естъ зеркало жития нашего, лекарство душевное, потеха всемъ смутнымъ, наболей тымъ, они же суть в бедахъ и в немощахъ положены, надежа истинная востания из мертвыхъ и вечногъ живота* [с. 14]. И, наконец, после этого, как и в предыдущем предисловии, следует заключение, построенное по стандартному образцу, который постепенно станет в изданиях Скорины традиционным: *Прото жъ и я, Францишекъ, Скорининъ сынъ с Полоцка, в лекарскихъ наукахъ докторъ, знаючи сее, иже естъ наивышшая мудрость размышление смерти, и познание самогъ себе, и въспоминание на приидущие речи,*

казал еси тиснути книгу святого Іова рускым языком богу ко чти и людем посполитым к научению. Конец предсловию [с. 15].

Выработанные еще в пражский период стилистические приемы построения предисловий Скорина использует и в своих виленских изданиях. Нет какой-нибудь существенной разницы в этом отношении между его более ранними и позднейшими произведениями.

Во всех предисловиях Скорины традиционные книжные формы и приемы изложения материала переплетаются с формами и приемами, основанными на применении элементов живой народной речи. Почти свободны от последних библейские цитаты и другие фрагменты из церковной литературы, передаваемые обычно по-церковнославянски. Элементы живой речи (отдельные слова или словосочетания, звуковые особенности и грамматические формы) встречаются здесь весьма редко. С легкой руки Скорины цитирование таких фрагментов по-церковнославянски впоследствии стало традиционным в рассуждениях белорусских и украинских писателей на религиозную тематику. Например, отрывок из «Диариуша» — произведения, написанного Афанасием Филипповичем гораздо позже, в середине XVII в.: *...И не одному Петрови святому, але и всемъ апостоломъ своимъ Іисусъ Христосъ далъ доконалу ю (моц). Правда, впродъ мовилъ Петрови святому: «Еже аще звязеши на земли, будетъ звязана на небесехъ, и аще разрешиши на земли, будетъ разрешено на небесехъ». Тыи жъ слова мовилъ и до всехъ учениковъ своихъ: «Елика аще разрешите на земли, будутъ разрешена на небесехъ». А над то, по воскресеніи своемъ, презъ замкненіи двери вшедши и мовиши «Мир вамъ», дунулъ мовячи: «Пріймете дух святыи; которымъ отпустите грехи — отпустятся, а которымъ задержите — задержатся» [6, с. 140].*

В целом же в предисловиях Франциска Скорины элементы живой народной речи — явление довольно обычное. Это может быть небольшая вставка, «вкрапление» на общем фоне традиционных форм и приемов изложения, как, например, в цитированном выше отрывке из предисловия к «Притчам Соломона»: *...и всякую иную имеющий в себе добрую цноту*, или же органический сплав тех и других, как, например, в предисловии к книге «Екклесиаст»: *...в розмаитых речах люди на свете покладают мысли и кохания своя: едины в царствах и в пановании, друзии в богатестве и в скарбох, инии в мудрости и в науце, а инии в здравии, в красоте и в крепости телесной, неции же*

во множестве имения и статку, а неции в роскошном ядени и питии и в любодаянии, инии теже в детех, в приятелех, во слугах и во иных различных многих речах. А тако единый каждый человек имать некоторую речь пред собою, в ней же ся наболей кохае и о ней мыслит [с. 28].

В этом отрывке мы встречаем ряд слов, типичных для живой народной речи: *розмаитых* (употреблялось довольно широко еще сравнительно недавно; в новейшие словари белорусского литературного языка уже не включается), *рѣчах* (т. е. делах), *кохания*, *пановании*, *скарбох*, *статку*, *кохае* и др. По-народному незатейлив, прост синтаксис отрывка. И вместе с тем немало в нем сугубо книжных элементов, разного рода архаизмов — лексических, фонетических, морфологических (типа *кохания своя*, *едины*, *друзии*, *инии*, *здравии*, *неции* и т. п.).

Языковые средства народно-разговорного происхождения проникают даже в стандартные церковнославянские формулы, как, например, в предисловии к «Притчам Соломона»: *«ныне и всегда и в век веком»* [с. 21], *«...по нарожению нашего спасителя»* [с. 24] или в послесловии к «Книге Иисуса Навина»: *непорушенное панны (вместо пречистой девы) Марии* [с. 57]. Рядом с книжными элементами они употребляются как равноправные средства художественной изобразительности, становятся неотъемлемым компонентом стилистики высоких жанров старинной белорусской литературы, тех, которые отличались наибольшей консервативностью в отношении языка. Все эти новшества приводили к созданию необычных для таких жанров словесных образов, разрушению традиционных семантических связей слов и выработке новых форм и приемов литературного выражения. И хотя в общем, как отмечается в современной лингвистической литературе, «вклад отдельных писателей донациональной эпохи в преобразование литературного языка проблематичен и нуждается в дальнейшем изучении» [2, с. 140], можно с полным правом утверждать, что стилистическое новаторство Скорины имело для своего, да и последующего времени очень важное значение.

Те принципы отбора языковых средств, которыми Скорина руководствовался при создании предисловий, последовательно отражаются и в его послесловиях, хотя сами они, за исключением послесловия к «Малой подорожной книжке», небольшие по размеру, обычно составляют только несколько строк, стандартны по форме: *«Кончается книга... (идет ее название. — Л. III.) выдана и выложена повелением и працею ученаго мужа Франциска Скорины из славнаго града Полоцка...»* [с. 16] или: *«Доконан ест (указывается, что именно — канон, акафист и т. д. — Л. III.) працею и пилностью доктора Франци-*

ска Скорины из Полоцка» [с. 159]. В какой-то мере эти принципы переносились белорусским первопечатником и в практику издания библейских текстов. Таким образом в его литературной деятельности стирались те резкие границы, которые отчуждали живую народную речь от церковнославянского языка, была предпринята смелая для своего времени попытка вовлечь конфессиональную литературу в общий процесс демократизации способов и приемов литературного выражения. Скорине еще не дано было четко отмежевать

новую поэтику, в которой «высокое» гармонично совместилось с «простым». Стилистика его предисловий и послесловий многогранна, она не «привязана» наглухо к церковнославянскому языку, в ней отчетливо обнаруживается народно-бытовая и устно-поэтическая струя. В предисловиях и послесловиях Скорина смело раздвинул пределы стилистического варьирования языка старой белорусской письменности. Это и составляет наиболее существенную черту такого яркого феномена в истории культуры белорусского народа, как языкотворчество Скорины, вынуждает нас более широко смотреть на само понятие старобелорусского литературного языка.

народную речь от церковнославянского языка в сферах конфессиональной литературы. Это сделали несколько позже его последователи — С. Будный, В. Тяпинский и другие белорусские писатели второй половины XVI—начала XVII в. Но он решительно повернул эту литературу к языку народа.

Сочетая в своих произведениях разнородный языковой материал, мастерски используя разные способы и приемы его литературной обработки, Скорина создал оригинальный, неповторимый стиль, свою собственную